

ТОТАЛИТАРИЗМ и тоталитарное сознание

вып. 2

**Томский областной антифашистский комитет
ТОМСК — 1998**

Религия. Миф. Тоталитарное сознание

Тоталитаризм в социальном измерении представляет собой совершенное подчинение личности общественной или политической структуре, которая претендует на целостность (тотальность) контроля за всякой такой личностью и постоянство управления всеми ее индивидуальными и социальными проявлениями. При этом указанные контроль и управление должны подкрепляться готовностью самой личности принять господство над собой указанной структуры, ибо только в таком случае тоталитаристские претензии осуществляются как реальный тоталитаризм. Значит, тоталитарное общество как социально-политический факт может и должно быть рассмотрено еще и как особая форма духовной реальности, исследование которой помогло бы объяснить готовность одних осуществить тоталитаризм, других — принять его, и всех — согласиться с ним как с наличным. Подобное исследование выше моих сил, поэтому я хотел бы лишь обозначить проблемное поле и указать те направления рассуждения, которые, как мне кажется, могли бы стать плодотворными. Вопрос, на который необходимо ответить в связи со всем сказанным выше, звучит так: какому состоянию духа отвечает тоталитарное сознание, вызывающее к жизни тоталитарное общественное устройство?

Если речь зашла о состоянии духа, то ясно, что в горизонте чистой психологии или феноменологии данная проблема не может быть даже поставлена, требуя для себя метафизического углубления темы. Поиск онтологических оснований психологии в настоящее время становится все более насущным и очевидным и видится как возможный путь выхода из того кризиса, в котором пребывает чистая (автономная) психологическая наука с самого момента своего рождения¹. Ясно также, что искомое углубление темы требует применения философско-религиозных категорий и критериев, дабы оказался заданным тот новый горизонт, в котором будет произведен поиск ответа на предложенный выше вопрос.

* Необходимым условием тоталитаризма, его явным или тайным основанием является следующее фундаментальное убеждение: *есть* вполне определенный порядок вещей (за-

кон), который является необъяснимой (точнее, не требующей объяснений в силу своей очевидности), безусловной и неотменимой реальностью. Достаточным же основанием тоталитаризма представляется появление такой личности или организации, которая посмеет присвоить себе роль медиума, то есть проводника, выразителя и осуществителя указанного высшего закона, в чем бы он ни состоял. Убеждение в существовании и господстве незыблемого порядка вещей есть принцип всеобщей необходимости и, следовательно, принцип внутреннего рабства — и в то же время соблазн могущества, достигаемого путем совершенного подчинения себя мировому закону. Указанными чертами характеризуется *мифологическое* сознание, из которого, на мой взгляд, и вырастает как политический тоталитаризм, так и псевдо-религиозное сектантство. Противовесом тоталитарным установкам может служить только *религия*, которая, в отличие от мифологии, трансцендирует естественный порядок вещей и дает возможность каждой личности, не теряя своей неповторимости, достичь со-общения с Абсолютом и тем самым утвердиться в над-законной полноте бытия.

Можно попытаться проследить связь некоторых характеристик мифологического сознания (которое лишь условно удается вычленивать из тотального синкретизма мифологического «образа жизни») и коренных установок политического тоталитаризма, обнаружив тем самым *мифологические истоки тоталитарного сознания*. Только надо помнить, что речь может идти лишь о поисках *истоков* тоталитаризма в мифе, что современное тоталитарное сознание мифично не совсем в том смысле, который мы обычно прилагаем к понятию древней мифологии. Классический миф органичен и самотождествен, он *естествен*, он не претендует на выход в сферу абсолютных ценностей, ибо он существует как совершенная неразличимость абсолютного и относительного, трансцендентного и имманентного, сакрального и профанного, добра и зла. Современное же тоталитарное сознание, несущее в себе неизбежные следы религиозной культуры, основано на *искусственной* мифологии: открывшиеся в религии абсолютные (трансцендентные) ценности оно заменяет относительными и имманентными, пытаясь придать им статус абсолютных. Иначе говоря, классическая мифология не знает (не помнит) Бога, но знает мировой закон: тоталитарная идеология *знает мировой закон в качестве Бога*, и потому она есть *новая* мифология, она есть миф, паразитирующий на религии, а потому она есть лишь *псевдоморфоза мифа*².

Прежде всего, миф не знает сверхъестественного³, он знает только потустороннее, но потустороннее как естественное, как внутрикосмическую область и силу. Миф, таким образом, не трансцендирует наличную фактичность, но он и

не должен ее трансцендировать, ибо он не знает ничего кроме нее. Следовательно, миф есть установка на тотальность имманентного. В нем не обнаруживается ничего абсолютно иного миру и не находится никто абсолютно другой человеку. Мифический космос оказывается замкнутым на самого себя, самодостаточным и самозакошным. Всякая сила, действующая в таком космосе, обязательно является выражением общей силы самого космоса, осуществлением всеобщего природного закона. Мифология, таким образом, всегда есть пантеизм, предстающий во множестве различных форм — от примитивного анимизма и полидемонизма до универсальных спиритуалистических систем платонизма или ураниад.

Эта всеобщая одержимость космосом (природой) делает даже богов простыми орудиями или, в лучшем случае, олицетворенными знаками универсальной неизбежности раз и навсегда установленного закона (под именем Юпитера, например, почитается, согласно стоикам, «сила постоянного и вечного закона, которая как бы является руководителем жизни и наставником в обязанностях», а также «фатальная необходимость и извечная истинность будущих событий»⁴). Итак, боги пантеизма «являются только обобщением соответствующих областей природы»⁵, в которой они участвуют, но которую не превосходят, оставаясь во всех своих качествах и способностях имманентными ей⁶. Следовательно, мифическая теология есть скрытый атеизм, в секуляризованном сознании нового времени превращающийся в атеизм открытый.

Нет ничего свыше космоса — такова первая установка тоталитарного сознания, имеющая мифологический корень. Плод же, созревающий на этом корне, есть цивилизация как антипод культуры. Цивилизация устремлена на воспроизводство, на повторение себя на все более высоком техническом уровне: она не есть культура, ибо последняя устремлена на самопреодоление во имя идеала, который и есть она сама, но в модусе должного. Поэтому цивилизация равна себе, культура же всегда больше себя. Цивилизация, кроме того, гедонистична, ибо движима все более возрастающими потребностями людей, которые она не только удовлетворяет, но и возбуждает. Потребность же есть не идеал, а стремление устроиться в наличном. Мифическое мироотношение, замыкая вселенную (и человечество) на себя, не оставляет пространства для идеала и потому не может стать культурой. Самовоспроизводством и очарованием статистики цивилизация заменяет культурное самопревосхождение. Цивилизация, понимаемая тотально, есть вечное повторение, которым так восхищались античные греки и древние китайцы и которое приводило в отчаяние Экклезиаста, человека культуры.

Цивилизация, как следует из вышесказанного, должна включать в себя прямое или скрытое отрицание истории, ее ценности, то есть явный или тайный аисторизм. Всякий социально-исторический факт или всякая вещь (а у Дюркгейма, например, это одно и то же) есть лишь промежуточный этап на пути из хаоса в хаос (т.е. ниоткуда и никуда); следовательно, ни одно событие и никакое бытие не имеет ценности вне общего контекста и даже должно быть отрицаемо во имя этого всеобщего⁷. Каждое новое мгновение жизни отрицает прошедшее мгновение, ибо последнее нигде не сохраняется как таковое: оно уже исчерпано следующим мгновением (наиболее отчетливо эта мысль проведена в буддийской абхидхарме⁸). А поскольку все бытие в конце концов уходит в хаотическое ничто, в котором сливаются начало и конец, то совершенно невозможно обосновать ценность или значимость того или иного момента этого универсального цикла, как впрочем и цикла в целом. За каждым событием в таком космосе стоит смерть — ниспровергательница всех ценностей. Неизменность состоит лишь в том, что в следующий миг *всё* начинается заново.

Теория прогресса, которая базируется на указанной мифологеме, заключается в представлении о неизбежной гибели всякой исторической формации, разрушающейся «до основания», и о строительстве «нового мира» на обломках старого. Такая теория, утверждающая, что предшествующая эпоха служит лишь «удобрением» для последующей, есть «мифология социального нигилизма»⁹, повторяющая в главных чертах пантеистическую мифологию онтологического нигилизма. Религиозный человек верит: каждое мгновение его жизни обладает высшей ценностью, ибо как раз с него может начаться новая жизнь, в которой будет спрошено за каждое прошлое мгновенье. Мифологический человек знает: ничего нового не случится; сегодня тот же день, что был вчера. Тоталитарное сознание гораздо ближе к мифологическому, чем к религиозному: оно живет новыми эпохами, высшими формациями, в крайнем случае — пятилетними планами, в которых теряется смысл каждого отдельного мгновения, забывается и уничтожается его неповторимость и ценность. Бесконечный прогресс ложных самоотрицаний оказывается постоянным воспроизводством ситуации начала пути: поэтому рано или поздно возникает потребность вырваться из зубов Хроноса, выйти из времени. Но вечности нет в мире мифа, вечность может состоять здесь только в дурной бесконечности самоповторения и самовоспроизводства — в дурной бесконечности реинкарнаций космоса, в которых он не может даже отрицать себя, ибо отрицая, оказывается тем же самым — он бессилен перед законом пульсации между хаосом и формой¹⁰.

Человек, который вместе с космосом захвачен этой конвульсивной «суею» (Еккл. 1:2-11), может лишь иллюзорно преодолевать свою относительность и конечность — в деторождении. Именно поэтому мифология так подчеркнута сексуальна: в сексуальности и воспроизводстве родителей в потомстве она ищет победы над смертью, которая неизбежно оказывается мнимой: не добиваясь выхода в чистое бытие, каждое поколение лишь воспроизводит ситуацию дисгармонии мировых полюсов и подтверждает захваченность этого мира смертью. Характерно, что официальный и живой культ семьи, поддерживаемый и бесстыдно контролируемый в тоталитарном обществе, вполне уживается с неофициальной или полуофициальной «свободной любовью», но никогда не уживается с монашеством. В наиболее же радикальных теориях тоталитарного общества вообще провозглашается повальный промискуитет (Фейербах, Маркс и т.п.).

Отсюда следует совершенная безнадежность человеческой ситуации: в мифе нет той силы, которая могла бы указать человеку выход из клетки мирового закона и помочь ему преодолеть собственную конечность. Такая помощь была бы чудом, то есть трансцендированием природы, но в мифическом космосе «все в одинаковой мере чудесно»¹¹, а значит, нет никакой разницы между естественным и чудесным и, следовательно, нет никакого чуда, все естественно¹². Только религия может дать человеку надежду, так как она предполагает возможность невозможного — чудо, превосхождение необходимого закона мировой жизни в свободе сверхмирового бытия. Религия, конечно, может формально включать и мифологию, но все же религией она является постольку, поскольку она *больше* мифологии, поскольку она есть деятельная рефлексия над ней. Мифологический космос (и, следовательно, космический человек) в религии ставится под вопрос, значит трансцендируется хотя бы в возможности. Вне религии человеку остается только подчиниться космическому тоталитаризму и связать все свои возможности с мировым роком. Так перспектива человека отчуждается от него самого, и личность оказывается одержимой собственной природой как внешней себе (предустановленной) силой.

Итак, в мифе отдельный человек есть только индивид, «противозаконный» уже в силу самой этой отдельности и потому испытывающий непрерывное давление всеобщего закона «руководителя жизни и наставника в обязанностях». Неумолимый объективный порядок своей механичностью снимает всякие вопросы о добре и зле, о должном и недолжном: мораль в мифе тождественна природе вещей¹³, она тавтологична: хорошо то, что диктуется универсальным порядком или господствующей общественно-политической структурой, в своей идеологии и практике осуществляющей объективную необходимость. Однако тоталитаризм одержи-

вает полную победу над личностью только тогда, когда это бездушное всеобщее оказывается *единственной* сущностью всякого индивида, иначе говоря, когда человек окончательно теряет субъективность¹⁴ и тоталитаризм воцаряется в его душе.

Дюркгейм и Фрейд, трактуя культуру как механизм подавления индивидуальности, прямо или косвенно обосновывали неизбежность тоталитарных тенденций во всяком обществе; но только марксизм (и возникший на его основе фашизм) обеспечил победу тоталитаризма, полностью растворив человека во всеобщем. Оставив в стороне склонность марксизма к биологизаторству (человек есть то, что он ест и т.п.), посмотрим, как мифологическое мироотношение трансформируется в тоталитарное сознание радикального уровня: «человеческая сущность не обладает истинной действительностью»¹⁵, она есть «сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное»¹⁶, следовательно, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹⁷. Итак, сущность человека есть сумма формирующих его общественных сил; ничто не препятствует тому, чтобы «подчинить общественные силы господству общества»¹⁸, иными словами, окончательно растворить личность в объективности. Вот это и будет действительностью естественного порядка вещей, то есть социально-политической мифологией, осуществленной как реальный тоталитаризм. Тут гибнет человек, теряя образ Божий, погружаясь в фактичность, поклоняясь зверю (естественному закону) вместо Бога (ср.: Откр. 6:5-6) и тем самым оказываясь лишь функцией объективности, лишь той частностью, в которой принудительно осуществляется всеобщее

«необходимость и извечная истинность» мира. Мифологическое совершенство этого мира, его безусловная законность, законченность и целостность оборачивается фактичностью, вешностью индивида средства и материала всеобщей гармонии. Миф никуда не ведет человека. Онтологическое и моральное несовершенство мира, открывающееся в религии, открывает и сам этот мир в сторону идеала (должного) и дает возможность человеку быть не столько средством, сколько целью всеобщего бытия.

В мифологическом универсуме ничто не противостоит господству всеобщего детерминизма, главными принципами которого являются регламентация и возмездие. Всякое действие вызывает здесь вполне определенное последствие. Контроль за мерой воздаяния возлагается на высшую власть, которую воплощают различные персонификации судьбы или безличная карма. Космос превращается в государство, которое может мыслиться одновременно и как большая семья (в

политенетических системах) тогда космос есть мафия. Таким образом, миф закладывает основы политизации всей жизни, что и воплощается в новейшее время в тоталитарном общественном устройстве.

Стоит заметить, что господство справедливости, закона возмездия, кармы и т.п. описывается религией как ад¹⁹; в самой же религии осуществляется превосходство милости над правдой и любви над законом. Применение религиозных принципов к политическому устройству земной жизни понимается как теократия, верховная власть Божества. Тоталитарный режим с его «новой мифологией» есть прямая противоположность теократии, ибо религиозность тут лишь *используется* или вообще создается искусственно (по потребности) и подчиняется политическим интересам, а не наоборот; это влечет быстрое вырождение государства и общества и их гибель (срав. напр., тысячелетнюю Византийскую империю и Францию конца XVIII — начала XIX вв. или Германию Гитлера: в первой официально было провозглашено и принято господство Божественного над политическим, в последних политическим целям официально подчинилось мертворожденное неоязычество).

Таким образом, политический тоталитаризм является воспроизведением мифологического фатализма, чувства зависимости от взгляда вездесущего рока («Старший брат смотрит на тебя»), бежать от которого некуда. Попыткой к бегству можно считать лишь то спасительное чувство неосведомленности в своей судьбе, которое позволяет даже быть героем и, переложив все заботы на блюстителей своей предустановленной участи, вести себя так, как будто нет никакого рока: к чему забота о жизненном пути, если я все равно никуда не денусь из заранее проложенной для меня колеи? Такой героизм (или, точнее, героический фатализм²⁰) есть род забвения, способ впадения в некую экзистенциальную истерию, которая легко может перейти в депрессию, когда безудержный и отчаянный оптимизм сменяется безнадежным пессимизмом отчаяния и любое происшествие воспринимается как знак окончания срока, отпущенного судьбой²¹. Религия же, сообщая бесконечную надежду, предлагает человеку идеал подвижничества, противоположный героическому фатализму и поднимающий человека над роковой определенностью его земного бытия²².

Однако пантентическая ориентация мифологии предполагает и более радикальное, чем героический фатализм, средство самоутверждения человека в космосе, а именно — прямое слияние с самим началом этого космоса, с его законом. На самом примитивном уровне эта возможность предстает как принцип всеобщего оборотничества, взаимного превращения²³, в том числе и превращения человека в духа или в божество (а также и наоборот). Этот взаимо-

решо́л обеспечен тем, что мифологический бог «мыслится природным, как и сам человек, а человек не лишен божественных характеристик»²⁴. Мифологическое сознание, не разделяющее человеческое и природное, частное и общее²⁵, допускает и крайнюю степень трансформации человека — растворение его в том космическом первоначале, с которым он смог себя отождествить. Возможность такого «самопревосхождения» человека к космическому принципу заложена в утверждении существенной одноприродности космоса и человека, которую провозглашает пантеизм, а за ним и наука нового времени. Итак, потеряв себя как личность, человек может оказаться принципом мифологического мира. Утрата личностного начала при этом представляется прежде всего как отказ от неповторимости, ибо даже оборотничество и взаимное превращение на базе пантеистического родства требуют редукции личности к лику (т.е. к маске, к роли), который можно достаточно легко сменить. Та же установка выражается и в идее реинкарнации. Поглощение личности мировым законом есть окончательная утрата неповторимости, ведь мир (космос) не есть личность²⁶, так как он, во первых, повторим, вечно возвращается к себе, а во вторых, не может превзойти себя ни в каком из своих актов, всегда равен своей природе.

В качестве плода, который человек приобретает в результате своего вселенского не-деяния, предполагается в конце концов полная пассивность — плата за равенство микрокосма макрокосму. Человескобог, таким образом, оказывается рабом собственной природы, понимаемой в мифе как космическая (универсальная) природа. Превращение частного во всеобщее есть только высшая ступень превращения (оборотничества), не имеющего ничего общего с религиозным преображением, ибо пантеистический космос, наглухо закрытый от сверхъестественного, не выпускает человека в над-природное, сверх-временное бытие. Религия есть, как минимум, «субстанциальное самоутверждение личности в вечном бытии»²⁷; миф же «не есть субстанциальное самоутверждение личности в вечности, но он — энергийное, феноменальное самоутверждение личности, независимо от проблемы взаимоотношения вечности и времени»²⁸. Такое самоутверждение — только приспособление личного к наличному, самоограничение личности ее феноменальным планом. Миф, следовательно, есть по большому счету только «картина», «изображение» личностного самоутверждения, но не оно само²⁹. Ведь личность на самом деле не сводится к своему лику (или ликам), а потому всегда направлена не на превращение, а на преображение, всегда требует не раскрытия (развития) человека, но восполнения его. Личность превращаема только тогда, когда в ней нет ничего сверх-природного, то есть когда она уже перестала быть

личностью и свелась к однозначности. Однозначное, феноменальное, в свою очередь, легко поддается классификации, унификации и утилизации, облегчает учет и контроль, обеспечивает взаимозаменяемость человека человеком, поколения поколением, космоса космосом.

Итак, идея слияния с мировым началом в границах мифологического пантеизма («кто был ничем, тот станет всем») есть редукция личности к обстоятельствам: природе, закону, необходимости. Оказывается, что *власть необходимости* не столько вне человека, сколько *в нем самом*. Невозможность уйти от закона, будь это закон природы или закон исторического развития (социальные закономерности, как уже было сказано, в рамках мифологического сознания не отличимы от естественных), приводит к тому, что всякий народ сам осуществляет власть над собой, покорно принимая форму того (сколь угодно извращенного) законодательства, в которое он втиснут. Человекобожие оказывается внутренним рабством, еще одним путем к облегчению *внешнего* управления человеком.

Тем, кому недоступен высший уровень мифологической самореализации, достается не менее соблазнительный удел: *участие* в осуществлении высшего закона (плана), иными словами, коллективный магический ритуал. Мифологические небожители бессмертны лишь относительно — в сравнении с человеком; они зависят от мирового закона (рока) и нуждаются в жертвоприношениях. Но и сам мировой закон в мифе не абстрактен, он требует осуществления, как бы регулярного «подзавода», «обмена энергией» с человечеством через ритуал. Пока совершается ритуал, космос не выпадает в хаос³⁰. В руках человека, совершающего вселенскую теургию, оказывается магический механизм мироправления; космос, история, всеобщее благо осуществляются через целесообразную деятельность человека. Указанная целесообразность не предполагает свободы участников ритуала от самого ритуала, который в мифе есть не столько средство, сколько цель сама по себе (вселенная в своем существовании совершает тот же ритуал). Поэтому в мифе человек свободен только в пределах ненарушения им необходимого и мертвого автономного закона. В религии же человек совершенно свободен перед лицом над-законного личного произвола Высшей Милости: в религии предполагается гарант над-природной, бесконечной свободы человека — Законодатель, свободный от закона.

Напротив, магическое «всесовершенство» человека может лишь подтвердить его бессилие, ибо магия действительна только в условиях безраздельного господства детерминизма. Значит, от мага требуется не столько верить в сверхчеловеческое всемогущество Законодателя, сколько знать пределы своих возможностей и устройство (схему) мирового целого,

дабы наиболее плодотворно (в утилитарном смысле) вмешаться (встраиваться) в это целое. «Язычество не верит в богов и духов, а стремится разобраться в их мире, чтобы подчинить духовный мир себе и своим интересам, полагаясь при этом на магическую технику своих ритуалов и заклинаний»³¹. Следовательно, мифологическое мировоззрение требует не веры, а науки — такого познавательного усилия, которое давало бы утилитарное знание мира. Знать, понимать космос значит иметь его в своем распоряжении. В мифологии понимание и умение напрямую связано с именованием. В религии именование дает жизнь (ср. Быт. 2:19-20), в мифологии (магии) именование лишает самостоятельности, подчиняет именуемое именуемому. В мифе даже начало космоса именуется явно, открыто (миф как таковой и есть имя, которое полностью развернуто и потому магично³²); это начало называется и вызывается человеком. В плане магии миф есть вызов в отличие от религии, которая есть ответ, ибо в религии Начало само окликает человека, открывая ему свое имя, но сохраняя и сокровенность этого имени (ср. Исх. 3:13-15 и 20:7).

Поэтому в религии Бог (Начало) выступает как свободный со-трудник человека (и наоборот); мифология же предполагает не со-трудничество, а использование в своих интересах, часто сопровождающееся несогласием ждатель милостей и прямым насилием. Тоталитарное сознание имеет в своем распоряжении новую магию — науку, инструмент подчинения (объективного) знания, ибо распорядиться можно только тем, что конечно, однозначно, равно самому себе. Мифология, по выражению Шеллинга, следовавшего Кольриджу, всегда есть только «тавтология»³⁴, замыкающая сознание на естественное. Поэтому и наука с ее настойчивым требованием объективности «всегда мифологична»³⁵. Тоталитаризм стремится базироваться именно на так понимаемой научности, то есть на феноменологии, а не на магическом мироотношении; однако это научность отвлеченная, мертвая, научность закона, победившего жизнь.

Кроме того, всякое познание как процесс с необходимостью основывается на некоторых априорных условиях, обеспечивающих истинность получаемого в результате знания. Но наука и магия не имеют таких оснований, а значит не имеют и абсолютного критерия истинности, который может предложить только религия; они не имеют опоры в вере, которой живет человеческий дух, единственное условие и средство опосредования непосредственного. Можно строить какое либо доказательство, только идя от веры (от духа), но не наоборот. Поэтому то автономное «знание», которое предлагают магия и наука, не является и не может являться результатом доказательства в полном смысле этого слова

(т.к. остаются невыясненными основания такого доказательства), но всегда в конечном счете является результатом *внушения*. «Мифологическое сознание внушает, а не объясняет, объяснять не его задача»³⁶; наука как современная магия тоже оказывается инструментом внушения (суггестии), способом осуществить насилие не только над миром, но и над человеческим сознанием.

Что касается пределов возможностей магии и науки, то они никогда не видны самому магу и самому ученому: возможности магии вообще и науки вообще представляются безграничными, и если отдельный маг или отдельный ученый потерпел неудачу, значит, *всегда* можно предполагать наличие более совершенного мага или ожидать появления более совершенного ученого. Такая безграничность возможностей науки лишь на первый взгляд может показаться свидетельством ее бесконечной свободы. На самом деле только знание собственных границ и есть свобода, ибо для этого потребен взгляд извне как первое условие трансцендирования наличного. Для человека, вброшенного в наличное, такой взгляд может сообщить возможность преодоления данности и указать на его свободу. Незнание собственных границ есть неспособность преодолеть наличное, в том числе и себя в своем данном образе бытия, следовательно, рабство необходимому. В такое состояние и помещают человека магия и наука.

Утилитарный характер искомого наукой знания ориентирует человеческое сознание прежде всего на *интерес*; провозглашение же интереса главным стимулом познания и практики стимулирует беспредельный рост эгоизма — необходимого признака мифологического человекобожия и тоталитарного антропоцентризма. «Божественность» эгоизма была заявлена еще Фейербахом: «Истинно совершенно, божественно только то, что существует *ради себя самого*»³⁷; такова сущность неоязычества, которое Фейербах захотел противопоставить христианству³⁸, религии, говорящей о самопожертвовании Бога и самоотверженности человека. Отсюда понятно, почему принудительный коллективизм тоталитарного общества легко оборачивается индивидуальным эгоизмом. Тиранин (личный, коллективный или мистический) и его подданные схвачены одним законом, и каждый подданный может однажды оказаться (обратиться) тиранином. А пока этого не случилось, каждый может стать тиранином для своего ближнего. Ведь перед лицом вселенской неотвратимости закона (порядка, системы) каждый оказывается в бессильном одиночестве, сам за себя; всякий другой при этом выступает как потенциальный предатель (враг, нарушитель, конкурент), которого надо попытаться устранить прежде, чем он (в своих интересах) устранит тебя. Такое положение естественно для тоталитарной системы, где абсолютный кол-

дективизм как раз и предполагает, что всякий отдельный индивид есть ничто.

Итак, вторая установка тоталитарного сознания, находящая себе выражение в героизме, магии и эгоизме, может быть представлена в обобщенном виде как *гуманизм* (антропоцентризм). Содержание гуманистической установки мифологического (тоталитарного) сознания состоит в следующем: человек осуществляется как центр мира, но осуществляется он только в рабстве необходимости, то есть тому самому наличному космосу — мысленному, физическому, социальному или социально-физическому, свыше которого ничего нет.

Суммируя все вышесказанное, можно выделить следующие основные характеристики тоталитарного сознания, указывающие на его происхождение из сознания мифологического и подтверждающие ту мысль, что тоталитаризм есть возрождение мифологизма.

1. Самодостаточность космоса (пантеизм как атеизм).
2. Цивилизация как контр-культура.
3. Цикличность как аисторизм (социальный нигилизм).
4. Сексуальность как рабство смерти.
5. Бездна (невозможность невозможного).
6. Имморализм (деонтология как тавтология).
7. Героический фатализм (оптимистический пессимизм).
8. Унификация (личностный редукционизм).
9. Магичность (наука).
10. Суггестивность.
11. Эгоизм.
12. Гуманизм (антропоцентризм).

Первая и последняя позиции в этом списке парадоксальным (на первый взгляд) образом совпадают, ибо, как было показано, абсолютный гуманизм есть только подтверждение самодостаточности космоса. Всемогущество человека в горизонте мифа может осуществляться только как добровольное подчинение механизму мировой необходимости, то есть как совершенное бессилие. В социальном плане это выражается как совершенное неразличение личного в публичном (всеобщем). Если нет ничего, кроме космоса, то люди становятся божественными существами; но в пантеистической вселенной человек сам по себе, как и всякое отдельное божество, ничего не стоит. Эта амбивалентность человеческого статуса естественно проистекает из амбивалентности мифологического мировоззрения. С одной стороны, если космос автономен, то не требуется предполагать никакого сверх-космического Бога, а значит, человек божественно велик сам по себе. С другой стороны, если космос автономен, то нет и не предполагается никакой сверх-космической свободы, а зна-

чит, отдельный человек как всецело принадлежащий космосу есть ничто.

Эта амбивалентность мифологической картины мира не есть антиномичность религии, сопрягающей исключающие друг друга миры — абсолютный и тварный, сверхъестественный и естественный; мифологическая амбивалентность состоит в том, что крайние позиции не исключают, а предпочитают друг друга. То единое, на котором смыкаются эти крайности, есть *рабство человека как его необходимая природа*. Вот в чем смысл крайнего антропоцентризма (абсолютного гуманизма): человек велик, следовательно, Бога нет, следовательно, космос автономен, следовательно, в нем нет свободы, следовательно, человек — ничто. Абсолютный гуманизм, вырастающий из пантеистической мифологии, оборачивается духовной несвободой и духовным тоталитаризмом, который всегда можно легко превратить в тоталитаризм политический. Духовное рабство человека — фундамент его социально-политического рабства, предпосылка его подчинения наличному устройству — неважно, будет ли это идеологически ангажированный псевдо-фундаменталистский режим или секуляризованное общество потребления.

Религия, освобождая личность от диктата обстоятельств, выводит ее (вместе с этими ее обстоятельствами) в стихию свободы, поднимает ее к ее же высшему — духовному измерению. Религиозная общечеловечность, осуществляющаяся как сверх-социум, как Церковь, является той почвой, на которой обрывается невозможным не только тоталитаризм, но и вообще всякое принуждение. Следовательно, общество, если оно не хочет быть тоталитарным, должно стать Церковью; но Церковь не имеет права становиться сектой. Церковь (как и культура, как и личность, как и Бог) тогда является собой, когда она больше, чем она сама, когда она не исчерпывается видимым (земным, мирским) устройством³⁹. Любое сектантство есть путь вырождения религии в мифологию, а Церкви — в тоталитарный строй. Однако это уже тема совсем другого рассуждения.

¹ См.: Воробьев С.Л. Онтологические образы психологии // Человек. 1995. № 1. С. 21-23.

² Платонизм, например, тоже является псевдоморфозой мифа, ибо через миф в нем прорывается религиозный анамнезис, но мифом же и искажается: так что создание Платоном теоретической модели тоталитарного государства вполне может быть понято как свидетельство неудачи его попыток преодолеть миф на ограниченном пространстве пантеизма.

³ Лосева И.Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 68.

⁴ Цицерон. О природе богов. I. 40.

⁵ Лосев А.Ф. Дераание духа. М.: Полигиздаг, 1988. С. 157.

⁶ Например, в Эпосе о Гильгамеше боги принимают решение умертвить одного из героев (Энкиду) и тем самым запускают механизм фатальной неотвратимости, остановить который они сами уже не могут. «Слово, что

сказано, бог не изменит, слово, что сказано, не вернет, не отменит, жребий, что брошен, не вернет, не отменит» (табл. 7). Устроив же погон, боги, как оказалось, выпустили на свободу такие силы природы, которые угрожают им самим. «Боги погоны усталились, поднялись, удалились на небо Ану, прижались, как исы, расцелились снаружи. Иштар кричит, как в муках родов... Анунакийские боги с нею плачут, боги смирились, пребывают в плаче, теснятся друг к другу, пересохли их губы» (табл. 11). Боги, как видим, могут стать жертвами магического отношения к природе.

⁷ Ср. с классическими высказыванием Анаксимандра: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу нравозаконное возмещение неправды в назначенный срок времени» (Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М.: Наука, 1989. С. 127).

⁸ См., напр.: Жюль К.К. Сравнительный анализ индийского логико-философского наследия. Киев: Наукова думка, 1981. С. 55; Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. С. 238; Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. С. 142.

⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 31.

¹⁰ Следы мифологического циклизма, смешанного с псевдо-христианским хилиазмом, можно усмотреть и в пресловутой идее движения истории по спирали, которая при ближайшем рассмотрении оказывается не спиралью, а кольцом: движение Духа от себя к себе в логическом пантеизме Гегеля, движение общества от коммунизма к коммунизму в социальном пантеизме Маркса и т.д. Фундаментальная установка сознания на «замыкание» времени просматривается и в стремлении подводить окончательные итоги и делать глобальные исторические обобщения, подменяя религиозное ожидание конца торопливостью произвольной эсхатологии.

¹¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 160.

¹² Лосева И.Н. Указ. соч. С. 74.

¹³ Там же. С. 75.

¹⁴ В мифе «в символически авторитарной форме» осуществляется «коллективная» власть над индивидуом (Лосева И.Н. Указ. соч. С. 66). О тотальном социальном подчинении человека во всех его измерениях — моральном, психическом и даже физическом см., напр.: Мосе М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти // Человек. 1992. № 6. С. 53-63.

¹⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Сочинения. Т. 1. С. 414.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. С. 37.

¹⁷ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Сочинения. Т. 3. С. 3.

¹⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1983. С. 322.

¹⁹ Ср. надпись на вратах Ада у Данте: «Был правдою мой Зодчий вдохновен» (Божественная Комедия. Ад. III. 4).

²⁰ О героическом фатализме см.: Лосев А.Ф. Дерзание духа. С. 158-159.

²¹ Не могу не вспоминать случай Зенона-стопка, словов палец, он понял это событие как намек судьбы и умер на месте, задержав дыхание (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VII. 28).

²² Подробное сравнение психологии религиозного подвижника и психологии политического героя см. в кн.: Булгаков С.Н. Геронизм и подвижничество // Вехи. М.: Правда, 1991. С. 31-72.

²³ Лосева И.Н. Указ. соч. С. 68.

²⁴ Там же. С. 66. Ср. передаваемые Лукианом слова Гераклита о том, что люди суть смертные боги, а боги — бессмертные люди (Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. С. 180, 215): эти взгляды заимствуются и герметизмом: «дерзнем сказать, что земной человек — смертный бог, а небесный бог — бессмертный человек» (Там же. С. 215).

²⁵ Лосева И.Н. Указ. соч. С. 71.

²⁶ О внеличностном космологизме пантеизма см.: Лосев А.Ф. Дерзание духа. С. 160-168.

²⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 97.

²⁸ Там же. С. 99, ср. С. 166-167. Собственно говоря, в мифе нет не только вечности, но и времени, ибо в мифе не предполагается той трансцендентной точки наблюдения, мимо которой оно могло бы течь («длиться»).

²⁹ Ср. Лосев А.Ф. *Диалектика мифа*, С. 94.

³⁰ О значении и изначении «продуцирующих обрядов» см., напр.; В.Р. *Каво. Первоначальные формы религии* // *Религии мира: история и современность*. Ежегодник. 1986. М.: Наука, 1987. С. 139-143.

³¹ Кураев А. О вере и знании — без антиномий // *Вопросы философии* 1992. № 7. С. 45.

³² Ср.: Лосев А.Ф. Миф — развернутое магическое имя // Лосев А.Ф. *Миф. Число. Сущность*. М.: Мысль, 1994. С. 217-232.

³³ Ср.: «Опытная наука выросла из опытной магии и есть не что иное, как осуществленная белая магия» (Муравьев В.П. Рев племени // *Из глубины*. М.: Правда, 1991. С. 415). См. также: Мень А. *История религии*. Том 2. М.: Слово, 1991. С. 84; Кулдин С.С. Современные научные парадигмы в свете некоторых аспектов магической традиции // *Вестник Псковского Вольного Университета*. 1995. Т. 2. № 1-3. С. 41-43.

³⁴ Шеллинг Ф. *Сочинения*. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 325.

³⁵ Лосев А.Ф. *Диалектика мифа*. С. 32.

³⁶ Лосева И.И. *Указ. соч.* С. 70.

³⁷ Фейербах Л. *Сущность христианства*. М.: Мысль, 1965. С. 32.

³⁸ Там же. С. 11-12.

³⁹ Ср.: «Христос пришел спасти каждого из нас, спасти, а не учредить организацию» (Мейендорф П. *Введение в святоотеческое богословие*. Рига: Весть, 1992. С. 313).